

С. А. Васютин*

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СЕМИРЕЧЬЕ**

В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ изучение политогенеза средневековых кочевников Евразии ведется преимущественно на примере кочевых империй. Это внимание к наиболее масштабным объединениям кочевников было оправдано с точки зрения их влияния на военно-политическую и этнокультурную историю Евразии. К тому же именно кочевые империи считаются наивысшей формой политической интеграции у кочевников, а среди специалистов ведутся длительные дискуссии о сущности имперских институтов власти у кочевников, особенностях общественной системы и характере взаимоотношений кочевников с земледельческими цивилизациями.

Наиболее остро стоит вопрос о государственности у средневековых кочевников, который до сих пор не имеет однозначного решения¹. Однако данная проблема рассматривается порой крайне не дифференцированно. Значительное число исследователей продолжает называть «государствами» самые разные политии кочевников, вне зависимости от того присутствуют ли в их политической организации государственные институты (многоступенчатая иерархия чиновников, фискальная система, письменное право и государственный суд) или нет. Некоторые ученые автоматически причисляют к кочевым империям Аварский, Тюркешский, Хазарский каганаты, Великую Болгарию и т.д., хотя следует ли их считать таковыми – вопрос открытый. В «тени» имперских структур кочевников остаются не менее, а в ряде случаев и более сложные в общественно-политическом отношении образования неимперского типа, созданные кочевниками. Мало учитываются динамические моменты, регрессивные тенденции, различие подходов к проблеме государственности в целом.

Кочевниковеды преимущественно концентрируются на изучении политарных процессов в Центральной Азии. Поэтому в качестве объекта исследования будут выбраны кочевые политии раннего средневековья, центры которых находились в Семиречье (Жетысу). Стратегическая задача – выяснить насколько разнообразными были политические режимы, созданные кочевниками. Семиречье

---

* Васютин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории средних веков Кемеровского государственного университета.

** Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии № 07-01-92002a/G «Кочевые империи монгольских степей: от хунну до державы Чингисхана».

¹ См., например: Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992; Он же. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21–32; Он же. Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002; Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997; Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000; Васютин С. А. Типология постархальных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 86–98; Он же. Монгольская империя как особая форма ранней государственности? (к дискуссии о политических системах кочевых империй) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 269–287; Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Там же. С. 254–269; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005; Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М., 2006 и др.

чье привлекает и тем, что здесь формировались общества разного масштаба: от обширных империй, в которых Семиречье было лишь политическим центром, до разрозненных племенных групп. Но, прежде всего, данный регион интересен тесными контактами кочевников с жителями ремесленно-торговых центров, в результате чего возникали синтезные формы политических объединений. На примере Семиречья можно выявить особенности политической адаптации кочевников в районах с крупными городскими центрами и островками земледельческой экономики, раскрыть влияние политических традиций оседлого населения на властные структуры кочевников.

Сравнительный анализ охватывает наиболее значимые политические образования кочевников в Семиречье периода раннего средневековья, такие как Западнотюркский и Тюркешский каганат, Карлукское ханство, Караханидский каганат. Методологической основой исследования являются многолинейные теории политогенеза. Они ориентированы на изучение уникальных черт в эволюции обществ, выявление альтернативных форм социально-политической организации, разнонаправленности процессов трансформации власти и социальных систем². В качестве базовых форм политической организации используются такие неэволюционистские модели как «вождество» и «государство». Каждое из этих понятий обладает набором признаков и достаточно дифференцировано. Так ученые выделяют первичные (простые), вторичные (сложные) и суперсложные (имперские иерархии) вождества³. Столь же вариативны дефиниции «государство»: зачаточное, раннее, традиционное и пр. Их осмыслению посвящены труды ведущих зарубежных и отечественных исследователей⁴.

Важное значение для истории Семиречья имеют различные концепции взаимодействия кочевников и земледельцев. Наибольшей популярностью пользуются теории пасторальности (периферийности) кочевых обществ. В их основе модель асимметричных отношений периферии с «центром» (определенной земледельческой цивилизацией). В свете данной концепции различие ресурсов кочевников и

---

² Бондаренко Д. М. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // Восток. 1998. № 1. С. 195–202; Claessen H. J. M. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden: Research School CNWS, Leiden University, 2000; Коротаев А. В. Социальная эволюция. М., 2003; Крадин Н. Н. Новые интерпретации исторического процесса // Вестник ДВО РАН. 2003. № 4. С. 72–81; Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. Волгоград, 2006. С. 15–36; Классен Х. Дж. М. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. Там же. С. 15–36 и др.

³ Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 22–26.

⁴ Fried M. The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1967; Service E. Origins of the State and Civilization. N. Y.: Norton, 1975; Claessen H. J. M. and P. Skalnik. The Early State. The Hague: Mouton, 1978; Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1990. С. 51–78; Крадин Н. Н. Современные данные о происхождении государства // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 1. История. С. 23–32; Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным государство? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. Волгоград, 2006. С. 71–84; Карнейро Р. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 84–94 и др.

земледельцев вызывает постоянную потребность номадов в разнообразных товарах от продуктов земледелия до престижных вещей. Как следствие номады с помощью набегов, шантажа и других форм давления вынуждали земледельцев отдавать часть прибавочного продукта посредством даров-откупов, дани, выплат, неэквивалентной торговли⁵.

Наиболее изученными являются разноплановые контакты номадов Центральной Азии и Китая. Именно здесь кочевники создавали обширные централистские империи с целью получения китайских ресурсов. Выявляется даже некоторая зависимость между ростом населения, увеличением экономического потенциала в Китае и синхронным возникновением пасторальных степных империй. Стратегия кочевых правителей сводилась к объединению номадов для осуществления походов против Китая. Такой тип взаимодействия кочевников и земледельцев получил название «дистанционной эксплуатации»⁶. Наряду с этой базовой («типичной») моделью существовали и другие формы взаимоотношений кочевников и земледельцев: «данническая» (земледельцы, попавшие в зависимость от номадов, более или менее регулярно выплачивают им дань) и «завоевательная» (кочевники захватывают территорию земледельческого общества, переселяются на его территорию и воспроизводят систему управления земледельцев). Грани между «типичной», «даннической» и «завоевательной» моделями весьма условны. Особенно частым в военно-политической практике кочевых империй было сочетание дистанционной эксплуатации и данничества. Что касается Семиречья, то в статье предпринимается попытка выяснить какая модель («данническая», «завоевательная» или какая-либо другая) доминировала в регионе в раннее средневековье.

Соседство земледельцев и кочевников в Семиречье было давней традицией. Еще в сако-усуньский период сложилось особая система связей между номадным населением и жителями согдийский городов и колоний. Масштаб этих связей оценить достаточно сложно, но одну из важнейших ролей играли экономические контакты, благодаря которым значительное число ремесленных изделий согдийцев попадало в степь. Дальнейшее развитие обозначенных связей шло преимущественно в двух направлениях: установление номадами различных форм контроля за оседлым населением и транзитной торговлей; постепенной распространение в средневековый период городов в различных районах Семиречья.

Принципиально важное значение в истории Семиречья имело образование Первого (Великого) Тюркского каганата. Рассматриваемый регион, вероятно, был включен в состав каганата в результате походов Истеми в середине 550-х гг. К моменту наивысшего расцвета тюркской империи (570-е гг.) Семиречье превратилось в центр западной половины каганата. Предположительно именно в долине Таласа Истеми принимал византийского посла Земарха Киликийского, а также персидских посланников. С территории Семиречья было удобно контролировать Восточный Туркестан, Согд, Бухару и другие среднеазиатские оазисы, а также Джунгарию, Восточный Казахстан, Алтай. Отсюда осуществлялись походы в южном, юго-западном и западном направлениях. Сложившиеся в Семи-

⁵ *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000; *Айнос У.* Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 99–108; *Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 59–85; *Крадин Н. Н.* Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. 2000. № 3. С. 5–16 и др.

⁶ *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 316, 322–328.

речье две племенные группировки тюркизированных дуло и нушиби, образовали своеобразную конфедерацию десяти племен («десять стрел») и играли ключевую роль в западных владениях каганата. Не случайно, что после распада империи на западную и восточную части, лидеры дуло и нушиби определяли персону правителя Западно-тюркского кагана.

Первый тюркский каганат представлял собой объединение кочевых племен и союзов с многоуровневой этноплеменной иерархией. Устойчивость всей системы этноплеменной иерархии обеспечивали военные успехи и престижная экономика (распределение захваченного в ходе походов имущества и «даров» из земледельческих центров в соответствии с этноплеменной иерархией). Престижные товары доставались почти исключительно кочевой аристократии и окружению кагана (исключение могли составлять дорогие предметы и ткани, которые попадали в руки простых номадов в ходе грабежей и набегов).

Тем не менее, престижная экономика охватывала и многочисленные слои рядовых кочевников. В тюркских надписях фиксируется, что каганы «устраивали и поднимали тюркский народ», неимущих делали богатыми, немногочисленных делали многочисленными. Роль верховного редистрибутора наглядно характеризует отрывок из надписи памятника в честь Бильге-кагана: «... их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, добытые из зерна, их верховых лошадей и жеребцов... я добыл для моего тюркского народа»⁸. Выполнение этих функций не требовало от правителей создания сложного аппарата управления. В основном каганы опирались на традицию («тюркские установления») и кланово-племенные структуры.

Первый Тюркский каганат обладал потенциалом превращения в данническую империю и, вероятно, был таковым в 570–590-е гг., когда в его составе оказались Восточный Туркестан, Средняя Азия, Причерноморье и Предкавказье. Но его переход к более сложным формам политического управления земледельцами был блокирован развернувшейся междоусобной войной и распадом кочевой империи на две части.

Кочевники Западно-тюркского каганата сумели сохранить контроль над частью оседлого населения, заимствовали некоторые фискальные практики, осуществляли административное регулирование и суд. Особенно тесными были контакты между вождями нушиби и согдийцами, которые существенно влияли на внешнюю политику западных тюрков⁹. Одновременно с этим тюркские наместники и гарнизоны появились в наиболее важных городах и княжествах (Гаочан, Ши, Харашар), а некоторые территории (Кашгар) платили дань¹⁰. С этой же целью использовались и династические браки. Так, например, женой правителя Кана (Согда) была дочь западно-тюркского кагана Кара-Чурина-Тюрка. Как фиксирует суйский хронист жители Согда «употребляют тюркское письмо», «брачные и похоронные обряды одинаковы с тукюескими», в храме находится «тюркское уложение», по которому судят провинившихся¹¹. Однако понадобится длительный процесс адаптации и «вживания» номадов в условия земледельческо-городской инфраструктуры, прежде чем возникнут подлинные государственные симбиозы номадов и оседлого населения. Жизнь самих кочевников в Семиречье

⁷ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 38.

⁸ Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 62.

⁹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 152, 157–159.

¹⁰ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. II. С. 254–255, 273, 279–282, 284, 291, 294 и др.

¹¹ Там же. С. 281.

и северных степях менялась мало. Тем не менее, падение Западно-тюркского каганата в результате экспансии танского Китая в 656–659 гг. не смогло разрушить сложившуюся здесь систему связей кочевников и жителей городов. Об этом наглядно говорит история Тюргешского каганата.

Именно при тюргешах в Семиречье стали активно развиваться городские центры. На территории Тюргешского каганата существовало несколько крупных городов Суяб, Невакет, Кува, Актаг и др. Через эти города проходила транзитные торговые магистрали, тесно связывавшие каганат с городскими центрами Средней Азии. Неслучайно тюргеша во время экспансии арабов в Среднюю Азию неоднократно совершали походы в поддержку восставших жителей Бухары и Самарканда. В городах каганата чеканилась монета с согдийскими надписями и тюркскими тамгами, иногда – со знаками в виде рунической «Р». Такие монеты были обнаружены при изучении тюргешских городищ: Ак-Бешим, Красная Речка, Бурана, Актобе, Токмак, Тараз, Костобе, Луговое и др. (всего 15 памятников). В Красной Речке, например, найдено 916 экз. монеты с тюркской тамгой «ат» и согдийской надписью «Господин тюргешский каган. Деньга». Самые разнообразные и уникальные комплексы монет с тамгой «ат» зафиксированы на городищах Тараз (столице тюргешских каганов) и Красной Речке (крупном торговом центре Навекете на Великом Шелковом пути, где и существовал монетный двор)¹². Наряду с этим в Тюргешском каганате пользовались и китайскими монетами, причем более половины найденных на городищах Ак-Бешим и Красная Речка китайских монет изготовлены с отклонениями от китайских стандартов¹³.

Все эти данные говорят о процветании торговли и ремесла в Тюргешском каганате. Вероятно, существовал и соответствующий политический аппарат, с помощью которого каганы осуществляли контроль за деятельностью городских властей, собирали пошлины, налоги, регламентировали правила и условия торговли, вершили суд.

Первый каган Уч-элиг (Учжилэ) провел административную реформу, разделив страну на 20 областей (тутукства во главе с тутуками). Каждая область выставляла по 7 тысяч воинов. Наряду с этим в Чуйской и Илийской долинах учреждались каганские ставки¹⁴. Каган со своим окружением в течение года перемещался от ставки к ставке. Это был не только маршрут кочевания, но и метод управления: таким образом каган осуществлял надзор, принимал решения, наказывал.

Сохранилось описание визита к одному из тюргешских каганов посланника халифата с целью уговорить правителя тюргешей принять ислам. Весьма важно, что прием посла происходил в палатке (юрте?), а в другой палатке, где угощали посла, было много мяса и мало хлеба. Благодаря этому эпизоду мы можем видеть, что элита каганата сохранила приверженность кочевым традициям. Еще более показателен эпизод с разъяснениями посла по поводу мусульман. На вопрос кагана о мусульманах посол ответил, что ими являются жители города –

¹² *Аитова С. М.* Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстана. Серия общественные науки. 2000. № 1. С. 129–130.

¹³ *Камышев А. М.* Местные подражания китайским монетам // Известия Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстана. Серия общественные науки. 2000. № 1. 131–137.

¹⁴ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 296.

банщики, портные, сапожники. Проведя демонстрацию для арабского посла кочевой сотысячной армии, каган ответил «... пусть он передаст своему господину – среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного»¹⁵. В основе управления кочевниками в Тюргешском каганате, также как и в большинстве других кочевых политий, была престижная экономика. Каган-редистрибутор раздавал престижные товары, продукты земледелия, делил захваченную в походах добычу. Про кагана Сулука Тан шу сообщает, что он первоначально «хорошо обращался со своими подданными», «роды мало по малу соединялись и народ его умножился до 200 000 душ», он «сделался сильным в Западном крае», «после каждого сражения всю добычу отдавал подчиненным: почему роды были довольны, и служили ему всеми силами»¹⁶.

С Сулуком, проводившим активную внешнюю политику, связан расцвет Тюргешского каганата. Однако многочисленные войны и содержание армии требовали расходов. Как повествуют источники «расходы ежедневно увеличивались, а запасов не хватало. Сулук стал награбленные добычи мало помалу удерживать без раздела. Тогда и «подчиненные стали отдаляться от него»¹⁷. Сказались и противоречия между разными группами тюргешской аристократии. Поводом для убийства Сулука послужило его сокрушительное поражение от арабов в 737 г. В следующем году Сулук был убит. Гибель Сулука привела к началу 20-летней междоусобной борьбе, после чего последовал распад каганата.

Более устойчивым оказалось объединение карлуков на юге современного Восточного Казахстана и в Джунгарии. Предводитель карлуков первоначально носил титул эльтебера. Карлукам пришлось вести длительную войну со Вторым Тюркским каганатом. В надписи в честь Кюль-Тегина указаны причины этой борьбы: «народ карлуков вследствие свободы и независимости стал (нам) врагом»¹⁸. В конечном итоге карлуки смогли добиться независимости, а их глава принял титул ябгу. После упадка Тюргешского каганата и разгрома китайской армии в битве при Таласе в 751 г., в которой карлуки помогли арабам одержать победу, произошло возвышение карлукского ябгу. Он стал самым сильным кочевым правителем в Семиречье. Карлуки смогли вытеснить огузов, которые вынуждены были откочевать в низовья Сырдарьи. Это позволило карлукам в 766 г. захватить Тараз и Суяб. Тем самым был установлен полный контроль над Семиречьем, Тохаристаном и торговыми маршрутами¹⁹. Так же как и тюргеши, карлуки стали чеканить свои и использовать китайские монеты²⁰. С падением Уйгурского каганата в 840 г. карлукский ябгу провозгласил себя каганом. Силы карлуков приумножились благодаря миграции в каганат карлуков и племени ягма из Восточного Туркестана. Таким образом в течении VII–IX вв. происходил поэтапный рост статуса власти правителей карлуков. Это несомненно отражало процесс усложнения политической системы. Логическим завершением этих тенденций стало образование на базе карлукского вожества Караханидского каганата.

¹⁵ Цит. по: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 106.

¹⁶ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Указ. соч. Т. I. С. 297–298.

¹⁷ Там же. С. 299.

¹⁸ *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 41.

¹⁹ *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Указ. соч. С. 113–117.

²⁰ *Камышев А. М.* Местные подражания китайским монетам // Известия Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстана. Серия общественные науки. 2000. № 1. 131–137.

Около 840 г. ябгу карлуков Бильге провозгласил себя каганом с титулом Бильге Кюль Кадыр-каган. Элита каганата формировалась из представителей племен чигилей и ягма, занимавших господствующее положение в карлукской конфедерации. При сыновьях Бильге Кюль Кадыр-хана каганат был разделен на две части – восточную и западную. Во главе восточный стоял верховный («старший») каган из чигилей, носивший титул Арслан Кара-хакан. Его столицей был Баласагун (городище Бурана в Кыргызстане). Западный каган, представлявший племя ягма, носил титул Бугра Кара-каган. Его ставки располагались в Кашгаре и Таразе. К X в. сложилась дуальная многоуровневая система управления каганатом (во главе государства в конце X – начале XI вв. порой находились три и более правителей, а верховенство старшего кагана было номинальным). Каждый титул и должность в восточной части каганата имела аналог в западной: Арслан-илек – Богра-илек, Арслан-тегин – Богра-тегин. Решающее значение имело принятие около 960 г. ислама. Это событие условно знаменует окончательное превращение Караханидского каганата в государство²¹.

Экономическую базу Караханидского государства составлял контроль над оазисами и городами Семиречья, Средней Азии, Восточного Туркестана. Для управления этими территориями Караханидам потребовался разветвленный аппарат чиновников, в связи с чем в каганате появилась сложная титульная иерархия: Арслан-илиг, Арслан-тегин, Йинал-тегин, Йаган-тегин, Алп-тегин, Атим-тегин, Тоган-тегин, Тогрыл-тегин, Улуг-тегин, Ака-ögä, Субаши-ögä, Тонга-ögä, Эл-ögä, Тархан и т. д. По государственному регламенту должности занимались в соответствии с принципом перехода титула от старшего брата к следующему по возрасту родственнику²².

Исследователи полагают, что в Караханидском каганате существовало большое количество удельных князей с большей или меньшей степенью самостоятельности от верховного правителя. Такие князья располагались в городских резиденциях и обладали собственной администрацией²³. С 991 г. Караханиды начали чеканить свою монету. Монетное производство было налажено в Фергане, Бухаре, Шаше, Узгенде, Баласагуне, Кашгаре, Самарканде и др. Правда чеканка караханидских динаров и дирхемов первоначально преследовала пропагандистско-политические цели (засвидетельствовать переход этих городов под контроль Караханидов и связь с исламской традицией). В дальнейшем эти цели чеканки монеты сохраняли свое значение, но широкое распространение караханидских монет свидетельствует и об их активном применении в торговом деле.

В 1041–1042 гг. каганат разделился на два самостоятельных каганата – Западный (с центром в Самарканде) и Восточный (с центром в Баласагуне, затем в Кашгаре). Первоначально считалось, что в каждом каганате было по два кагана – старший (Арслан-хан) и младший (Бугра-хан). Однако Б. Д. Кочневу удалось убедительно показать, что в Западном каганате не было дуальной организации. Он возглавлялся единственным каганом, который ликвидировал независимость множества ханов и князей, создав централизованное управление. Первый запад-

²¹ *Караев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.). Фрунзе, 1983; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 106–107; *Кочнев Б. Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. Ч. I. Источниковедческое исследование. С. 245–249.

²² *Кочнев Б. Д.* Указ. соч. С. 249.

²³ *Бартольд В. В.* История Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 285.

ный каган Табгач-хан Ибрахим установил прямой порядок престолонаследия от отца к сыну²⁴. В восточном каганате дуальная система сохранилась дольше, что объясняется более устойчивым влиянием кочевых традиций, но и здесь в XII в. она была ликвидирована.

Таким образом можно обозначить общие тенденции развития государственной власти в Караханидском каганате. В период расширения каганата в X – начале XI в. структуры власти предполагали участие в управлении большого количества полунезависимых правителей. Но по мере укрепления власти баласагунских и самаркандских правителей, особенно после разделения каганата, наметилась тенденция к централизации власти, что раньше проявилось в Западном каганате. Вне всякого сомнения, письменные, археологические и нумизматические данные позволяют нам видеть в Караханидском каганате одну из самых развитых форм государственности, среди политических образований созданных кочевниками.

В Семиречье на протяжении раннего средневековья номады получали продукты ремесла и земледелия не столько путем дистанционной эксплуатации, сколько благодаря даням, рентам, налогам, контролю за торговлей, пошлинам и т. д. Естественно, что подобные политические практики вели к появлению более сложных политических систем. В целом применение многолинейных теорий социальной эволюции позволяет зафиксировать тот факт, что способы политической адаптации номадов существенно различались даже в пределах одного региона. Несмотря на внешне схожие черты рассмотренных политических образований номадов Семиречья, тенденции их развития не были одинаковыми. Западно-тюркский каганат был классической даннической империей (суперсложным вожеством.). Управление в нем тяготело к степной традиции, в основе которой была престижная экономика и сильная военная организация. Инновационным компонентом в Западно-тюркском каганате стало установление тюркской власти, законов и обычаев в прилегающих к Семиречью городах. Эта традиция получила развитие в Тюркешском каганате. Данное военно-политическое образование неимперского типа достаточно органично сочетало в себе и институты завоевательной модели (чеканка монет, сбор пошлин и налогов, административный аппарат) и традиционную систему управления степняками. Зафиксированные источниками элементы ранней государственности у тюркешей требовали постепенного «наращивания» государственной составляющей. Однако подобная трансформация «отрывала» власть от рядовых кочевников и кочевой аристократии и вела к внутренним конфликтам, что не позволило реализовать потенциальную возможность создания государства. Карлукское ханство, также не являясь империей, в большей степени чем Тюркешский каганат воспроизводило традиционную модель, сочетая ее с элементами данничества и ранней государственности, при главенстве степных механизмов функционирования власти.

Особый случай представлял собой Караханидский каганат. Данная модель адаптации была связана с устойчивой линией на формирование государственных структур и трансформацию системы отношения каганов и кочевого населения. При том, что сохраняли свое значение базовые элементы поддержания авторитета правителя в среде номадов с помощью даров, раздач, дележа добычи, сама административно-политическая система каганата формировалась в контексте выработанных в среднеазиатских городах принципов и традиций.

Деление Караханидского каганата на две части показывает, что его правители стремились к более эффективному управлению своими землями, чего невоз-

²⁴ Кочнев Б. Д. Указ. соч. С. 250–251.

можно было добиться из степи. Не менее показательны и то, что Караханидский каганат по сравнению с Тюркскими каганатами шел по пути усложнения властной системы, в то время как политическая организация Западно-тюркского каганата оставалась стабильной или переживала стагнацию. Динамизм является еще одной отличительной чертой Караханидского каганата. Такая форма политического объединения кочевников должна быть выделена в отдельный тип и дополнительно исследована в сравнительно-историческом ракурсе.